№ 42. Изданія годъ 1-й. Суббота, 16 сентября 1917 г. Цѣна 10 коп.

Органъ обще-соціалистическій безпартійный

ВОЛЯ и ДУМЫ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНИКА

Библіо-тека

Изданіе Центральнаго Комитета
М.-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной ж. д.

Адресъ редакціи и Конторы:
Москва, Старая Басманная, домъ 11, Управленія Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной жел. дор.

Подписная плата
съ пересылкой и доставкой

съ 1 мая до конца г.	6 р. —
на 4 мѣсяца	3 р. 25
» 3 »	2 р. 75
» 2 »	1 р. 90
» 1 »	1 р. —

Телефонъ № 3-97-21
Редакція для личныхъ объясненій отъ 12 до 2-хъ час. дня.

Объявленія.
На первой страницѣ за строку петита . . . . . . 1 р. 50 к.
Позади тек. строку петита 1 р.
Лица ищущія труда 60 к. за разъ въ три строки свыше по общей расцѣнкѣ.
Контора газеты открыта отъ 10 час. дня до 4 час. веч.

Товарищи желѣзнодорожники, въ чемъ наша воля?—Развозить по рельсамъ съ быстротою вѣтра и метать по проволокѣ съ быстротою молніи—ВОЛЮ НАРОДА. Въ чемъ наши думы? Наши думы, какъ и думы народа—въ единеніи, свободѣ и правдѣ.

Что же значитъ сей сонъ?

Въ прошломъ номерѣ нашей газеты было сказано, что духъ Корнилова витаетъ надъ страною, что Керенскій является во Временномъ Правительствѣ какъ бы только звеномъ между однимъ Корниловымъ, который арестованъ и предается суду за мятежъ, и другимъ собирательнымъ Корниловымъ (если хотите, корниловщиной), который всетаки правитъ Россіей. Мы не предвидѣли, что жизнь можетъ еще сильнѣе подчеркнуть нашу мысль. Нынѣ всѣ газеты наполнены тревожными слухами, что Керенскій зналъ о готовящемся выступленіи Корнилова и не только ничего не предпринималъ для охраны Петрограда и Революціи, но и самъ отдалъ приказъ о продвиженіи къ столицѣ третьяго коннаго корпуса, который потомъ будто внушалъ столько страха Врем. Правит. Большевистскія газеты прямо говорятъ о томъ, что Керенскій въ заговорѣ съ Корниловымъ собирался спровоцировать петроградскій пролетаріатъ, вызвать на улицу и потопить въ крови, для чего и выводились изъ столицы революціонные полки и къ Петрограду подтягивались «корниловскія», т.-е. умѣренныя и контрреволюціонныя воинскія части. То, что большевики говорятъ грубо, но честно и открыто, говорятъ и кадеты, но, конечно, «дипломатически», съ ядовитымъ подмигиваньемъ и таинственными гримасками.

Большевикамъ и кадетамъ могли бы не особенно вѣрить, ибо это явные враги Керенскаго и Временнаго Правительства. Но вотъ что говоритъ Бюро Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ:

«Бывшій военный министръ Савинковъ представилъ, будто бы, **отъ имени Керенскаго** на разсмотрѣніе генерала Корнилова три варіанта диктатуры, при чемъ въ переговорахъ рѣчь шла объ участіи Корнилова, Савинкова, Филоненко и **самого Керенскаго** въ разныхъ комбинаціяхъ.

«Провозглашеніе единоличной или коллективной диктатуры должно было совпасть съ объявленіемъ Петрограда на военномъ положеніи и **съ безпощаднымъ разгромомъ петроградскихъ революціонныхъ организацій и рабочихъ массъ подъ видомъ подавленія большевистскаго заговора**

«Съ этой именно цѣлью совершилось, **по соглашенію Временнаго Правительства и ставки**, подтягиванье третьяго коннаго корпуса къ Петрограду, при чемъ завершенье этой военной операціи должно было послужить сигналомъ для проведенія въ жизнь требуемыхъ Корниловымъ репрессивныхъ мѣропріятій и **установленія военной диктатуры**».

Что же значитъ сей сонъ?

Савинковъ и Филоненко, главные актеры этой пока еще темной драмы, въ сущности подтверждаютъ самые кошмарные слухи. Савинковъ, судя по газетамъ, между прочимъ сказалъ: «Временное Правительство рѣшило объявить Петроградъ на военномъ положеніи, дабы быть во всеоружіи на случай **ожидавшихся эксцессовъ**, съ чьей бы стороны они ни послѣдовали. Въ соотвѣтствіи съ этимъ военный министръ поручилъ мнѣ, какъ управляющему военнымъ министерствомъ, вызвать въ столицу **черезъ посредство генерала Корнилова кавалерійскій корпусъ**». Спрашивается: развѣ не было гарнизона въ Петроградѣ? Почему нуженъ былъ именно корниловскій корпусъ? Очевидно, петроградскій гарнизонъ считался ненадежнымъ. Очевидно, Временное Правительство прекрасно знало, съ чьей стороны ожидались «эксцессы».

Филоненко говоритъ: «я, и Б. В. Савинковъ за мѣсяцъ или даже еще раньше были освѣдомлены о готовящемся выступленіи со стороны Корнилова. **Разумѣется, Временное Правительство было поставлено въ извѣстность о всѣхъ назрѣвавшихъ событіяхъ въ ставкѣ**».

Но самымъ пугающимъ и самымъ жуткимъ является молчаніе самого Керенскаго. Почему онъ не выступилъ тотчасъ съ оффиціальнымъ разъясненіемъ этой кошмарной исторіи?

Дневникъ журналиста.

Не большевики, а казаки.

Въ лагерѣ большевиковъ идетъ ликованье. Когда въ Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ значительнымъ большинствомъ голосовъ была принята резолюція большевиковъ, осуждающая умѣренную, соглашательскую политику Исполнительнаго Комитета съ Н. С. Чхеидзе во главѣ, большевикъ Володарскій воскликнулъ, что начинается **новая эра** въ жизни совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Еще дальше идетъ московская большевистская газета «Соціалъ-демократъ», озаглавивъ передовицу*) «Новая страница революціи».

Начинается эта знаменательная статья такъ: «Пала Корниловщина, раскрылась новая страница русской революціи. Но многіе, въ томъ числѣ и часть партійныхъ товарищей, находятся еще подъ властью пережитаго времени. Говорятъ о борьбѣ съ корниловщиной, о борьбѣ съ новыми контрреволюціонными заговорами, которые могутъ возникнуть. Зовутъ вооружаться, чтобы отразить новыя могущія возникнуть попытки заговорщиковъ».

Все это кажется газетѣ, опьяненной побѣдой, сущимъ вздоромъ, ибо «власть генеральской шайки подорвана въ корнѣ», а «вооруженныя силы революціи развернулись, стали на мѣсто военной шайки». Не къ борьбѣ съ контр-революціей зовутъ народъ большевики, а «къ послѣднему рѣшенію», «къ борьбѣ по всей линіи съ буржуазіей и крупными собственниками». Имъ кажется, что послѣ короткаго господства «мелкой буржуазіи», т. е., надо полагать, соціалистовъ-революціонеровъ, власть перейдетъ въ руки пролетаріевъ и полупролетаріевъ, и тогда «передъ ними предстанетъ задача не построенья смѣшаннаго полусоціалистическаго строя, обузданнаго капитализма, а задача рѣшительной борьбы съ «буржуазіей въ ногу съ рабочими всѣхъ странъ». Говоря проще, мы наканунѣ соціалистической революціи.

Что можно сказать на это? Ничего. Пьяному по-колѣни море: вотъ что нужно сказать.

Осуждать особенно большевиковъ не приходится. Когда вспомнимъ сумасшедшую травлю, которой два мѣсяца терзали и душили ихъ всѣ соціалисты въ трогательномъ согласіи съ Корниловымъ, Милюковымъ и Пуришкевичемъ, мы поймемъ, что побѣда надъ преступнымъ мятежомъ браваго генерала и вызванный ею сдвигъ демократіи влѣво, т.-е. къ большей независимости отъ буржуазіи, могли нѣсколько вскружить голову большевикамъ. Но въ большевизмѣ, рядомъ съ искреннимъ революціоннымъ пафосомъ, всегда слышится пискливая нотка демагогіи, и эта тоненькая нотка теперь особенно рѣжетъ, оскорбляетъ слухъ всѣхъ небольшевистскихъ революціонеровъ, которые охотно воспринимаютъ ихъ революціонные лозунги.

Въ серьезной политической партіи, какъ и въ серьезномъ человѣкѣ, едва ли не самое дорогое качество—самообладаніе. У большевиковъ мы, къ сожалѣнію, не видимъ этой драгоцѣнной черты. Они ни въ чемъ не знаютъ мѣры: общество у нихъ дѣлится на два міра: въ одномъ ангелы, а въ другомъ дьяволы,—ангелы это большевики, остальное человѣчество относится къ дьявольской «буржуазіи» и мелкой буржуазіи. Побѣда надъ Корниловымъ совершенно опьянила ихъ. Мы сравнительно легко миримся съ ихъ порою смѣхотворнымъ кадетоѣдствомъ, потому что, въ сущности, это ихъ «невинное» развлеченіе послѣ долгаго вынужденнаго воздержанія, это игра кошки съ мышкой: смотрѣть-то, правда, немножко противно, да что подѣлаешь? посмотришь, поморщишься и пройдешь мимо. Иное дѣло залихватски-купеческій тонъ à la чортъ меня возьми, который принимаютъ ихъ органы по практическимъ вопросамъ дня: эта манера «запрашивать втридорога» у правительства, уснащать каждую фразу эпитетами «безпощадный», «рѣшительный», «немедленный», чревата большими національными бѣдствіями. Требовать невозможнаго можетъ только глупецъ или хамъ. Обѣщать то, что завѣдомо невозможно, есть демагогія низкой пробы, чтобы не сказать иначе.

Въ перечнѣ требованій, предъявленныхъ большевиками «демократическому совѣщанію» мы читаемъ:

«Немедленная отмѣна смертной казни **для солдатъ**». Почему только для солдатъ? А для ефрейторовъ, унтеръ-офицеровъ и прапорщиковъ смертную казнь оставить? Почему не сказать просто: «Отмѣна смертной казни»? Потому что надо пощекотать солдатъ.

Далѣе: «Вся власть въ руки рабочихъ, солдатъ и **бѣднѣйшихъ** крестьянъ». Какъ опредѣлить, кто просто бѣдный и кто **бѣднѣйшій** крестьянинъ? Ввести что ли цензъ на изнанку? Почему не сказать просто «крестьянъ» или, чтобъ быть ужъ очень точнымъ «трудовыхъ крестьянъ»? Потому что надо смазать по губамъ кое-кого, надо быть сверхлѣвымъ.

«Немедленное освобожденіе всѣхъ арестованныхъ большевиковъ и интернаціоналистовъ». Такъ. А почему не прибавить: «и анархистовъ»? Ихъ вы оставите въ большевистскихъ тюрьмахъ? Не хорошо звать своихъ бѣдныхъ родственниковъ въ день похоронъ и забывать о нихъ въ день именинъ. Не хорошо. Вы забыли, сколько анархистовъ составляютъ «красу и гордость русской революціи». Обойдите команды кронштадскихъ матросовъ. Почему же вы забыли о своихъ союзникахъ слѣва? Потому что анархисты непопулярны въ средѣ обывателей и неграмотныхъ крестьянъ. А вы всѣхъ, рѣшительно всѣхъ жаждете загонить въ свою полити[illegible]-

*) 10 сентября 1917 г.

скую лавочку. А давно ли вы сами были на подозрѣніи въ ужасномъ анархизмѣ? «Судьба играетъ человѣкомъ»...

Въ пунктѣ пятомъ большевики между прочимъ требуютъ «закрытія кадетской партіи и др.» Можно говорить объ арестѣ людей, замѣшанныхъ въ заговорѣ Корнилова. Но преслѣдовать цѣлое теченіе общественно-политической мысли недостойно Революціи. Кадеты есть кадеты, они не большевики и даже не соціалисты: это—либерально-демократическая партія. Если вы имъ не довѣряете какъ буржуазной партіи и если вы можете обойтись безъ нихъ, не зовите ихъ въ правительство, но преслѣдовать ихъ за мысли, стыдно, господа!

Наконецъ, большевики еще требуютъ «высылки изъ Россіи агентовъ союзнаго капитала». Значитъ: объявить войну Англіи, Франціи, Италіи и Америкѣ? И это называется бороться за миръ? Буржуазная пресса, конечно, увидѣла бы въ этомъ провокацію, за которую германцы хорошо заплатили московскимъ большевикамъ. Мы, конечно, этого не думаемъ. Причина другая: имъ надо быть сверхлѣвыми, надо «запросить» возможно больше. Конечно, представителей союзныхъ державъ никакое правительство, даже съ Ленинымъ во главѣ, не подумаетъ выслать. Но почему не пугнуть?

Въ то время, когда въ лагерѣ большевиковъ идетъ это ликованье безмѣрное, когда литераторы «Соціаль-демократа» спѣшатъ «раскрывать новыя страницы революціи», хоронятъ не только корниловщину, но и кадетовъ, и буржуазный и даже полусоціалистическій строй, казаки, у которыхъ уже есть то «полное вооруженіе», о которомъ только мечтаютъ большевики и которые, кстати сказать, владѣютъ имъ лучше чѣмъ мы съ большевиками, собираютъ свой войсковой кругъ въ Новочеркасскѣ и, смѣло опираясь на старыя казацкія шашки, говорятъ иныя рѣчи.

«Мое твердое убѣжденіе, что дѣло Корнилова—жестокая, страшная ошибка! Ославили предателемъ Корнилова, **народнаго героя**, того сибирскаго казака, который бѣжалъ изъ нѣмецкаго плѣна, по звѣздамъ находя путь къ желанному Востоку.

Пусть Корнилова засудятъ, но **не удастся засудить «корниловщину»**.—ту идею, которую не поймаешь ни на веревку, ни на штыкъ! Въ корниловскомъ дѣлѣ народъ почуялъ скрываемую правду, что Корниловъ неправильными, незаконными и даже преступными путями добивался спасенья родины!» Корниловъ—народный герой, спаситель родины! Это говоритъ теперешній вождь казачества Богаевскій.

Другой казакъ депутатъ-кооператоръ Макаровъ, жестоко критикуя революціонное правительство, бросаетъ угрозу: «Если же власть будетъ классовой, тогда намъ придется, быть можетъ, оставить за собой **свободу дѣйствій**».

Что Макаровъ имѣлъ въ виду подъ «свободой дѣйствій» прекрасно пояснилъ атаманъ Кубанскаго войска Макаренко: «До сихъ поръ (сказалъ онъ между прочим) правые, правда, еще не выползали изъ подполья, куда загнала ихъ неожиданная революція. **Но они ждутъ**». «Я кричу въ сторону товарищей-демократовъ: «Берегитесь!» Не раздувайте вражды и розни! Не дѣлите насъ на трудовыхъ и нетрудовыхъ казаковъ! Вмѣсто сучка въ глазу казака въ видѣ реакціонности поищите бревно въ своемъ глазу. Прекратите споръ, **иначе налетитъ новый шквалъ и смететъ плоды юной революціи**».

Эти слова не нуждаются въ комментаріяхъ. Каково общее настроеніе войскового круга, видно изъ того, что онъ встрѣтилъ шумомъ и шиканьемъ даже Кононова, когда онъ сказалъ: «Керенскій находится посрединѣ между демократіей, и буржуазіей, стремится примирить эти группы. Нельзя сомнѣваться въ политической честности Керенскаго». Какъ далеки казаки отъ идеала литераторовъ «Соціаль демократа»: диктатуры пролетаріата, изгнанія агентовъ союзныхъ державъ и т. д.

Кто же правъ? Кто ближе къ той высшей правдѣ, которая называется жизнью: большевики или казаки? Созрѣла ли наша бѣдная, нищая и неграмотная Русь для соціализма? Не лучше ли оставить безумную утопію—диктатуру пролетаріевъ и полупролетаріевъ, т.-е. маленькаго меньшинства надъ огромнымъ большинствомъ населенія, и скромно удовлетвориться «полусоціалистическимъ строемъ»? А что если новый шквалъ дѣйствительно смететъ нашу бѣдную революцію? Не лучше ли подождать съ соціализмомъ, пока другіе болѣе культурные и болѣе подготовленные народы скажутъ первое слово?

Бросимъ этотъ смѣшной пережитокъ славянофильства—учительствовать. Будемъ у другихъ народовъ учиться слишкомъ мы бѣдны и невѣжественны! Къ той, порою тяжелой, но высшей правдѣ, которая называется жизнью, ближе не большевики, а казаки. Имѣющій уши услышитъ.

Я. Кирилловскій!

Чайка.

Баллада.

Мчится викингъ сѣдой въ острогрудомъ челнѣ
На широкой груди океана.
Волны глухо шумятъ въ роковой глубинѣ.
Злая ночь стережетъ неустанно.
Онъ—одинъ. Далеко разметала гроза
Храбрецовъ молодецкія кости.
Онъ—одинъ. За слезою сползаетъ слеза,—
У героя незванныя гостьи.
Взбороздили морщины, какъ волны, чело,
И, какъ сычи, нажмурились брови.
Выскользаетъ изъ рукъ золотое весло,
И морозъ бродитъ въ старческой крови.
«Эй, прощай, (онъ поетъ), сѣдогривый мой валъ!
Уноси мой привѣтъ на отчизну.
На курганахъ бойцовъ я не разъ пировалъ,—
Мнѣ акулы отпразднуютъ тризну.»
Вдругъ какъ холенный конь (конь отвыкшій отъ шпоръ),
Сердце викинга затрепетало:
Надъ сѣдой головой, испытавшей топоръ,
Гдѣ-то Чайка во тьмѣ зарыдала.
«Эхъ, спасибо (вздохнулъ онъ)», съ крутого чела
Шлемъ тяжелый неспѣшно снимая.
И завылъ океанъ отъ удара весла,
Замеръ пѣснѣ свободной внимая:
«Чайка, ты бѣлокрылая дума орла:
Стыдно старому волку унынье.
Развѣ не далъ мнѣ Торъ золотыхъ два крыла?
Стать хочу твоимъ братомъ я нынѣ.
Черно-кудрая буря, сразимся! Пора.
Мнѣ не страшенъ твой конь-пѣнно-гнѣдый.
Мы сыграемъ съ тобой. Пусть мережитъ игра
Злой могилой,—не честной побѣдой.»
Много дней и ночей, надъ героемъ паря,
Чайка мантію бури терзала.
Улыбнулась бойцамъ золотая заря:
Лентой синей земля замерцала.
Лижетъ челнъ побѣжденная злая волна.
Къ челну ластится буря не смѣло.
На утесѣ стоитъ молодая жена,
Ждетъ и машетъ рукой ему бѣлой.
Ждутъ и мужи войны въ лихорадочномъ снѣ
Викингъ челнъ привязалъ безпримѣрный
Не взглянувъ на бойцовъ, свѣтлокудрой женѣ
Молвитъ онъ: «Ты осталась ли вѣрной?..»
Три дня пиръ небывалый высится горой.
Непорочному витязю чести
Скальды славу поютъ. Что же блѣденъ герой?
Что не пьешь изъ кубка сладкой лести?
Вдругъ раскрылось окно вѣтра синей рукой,
Чайка съ плачемъ впорхнула въ свѣтлицу.
Онъ цѣлуетъ ее. Слезы идутъ рѣкой
А дружина хмѣльная дивится.
«Что молчишь (молвилъ онъ), бурей битый шеломъ?
Молви что бѣлой гостьѣ бездомной:
Тѣсно, молъ, старику за широкимъ столомъ,
Скучны ласки красавицы томной.
Не за чернымъ бугромъ волосатой земли,
Не за сытой и радостной долей
Изъ Вальгалы, бойцы, въ этотъ міръ мы сошли,
Но за Чайкой бездомной,—за Волей.»
И онъ всталъ, оттолкнулъ одинокій свой челнъ,
Чайка бѣлая гордо кричала.
Вѣтеръ честь ему пѣлъ съ хородводами волнъ
Но толпа изумленно молчала.

Владимиръ Гронскій.

Душа человѣческая.

Научный фельетонъ.

Есть и могутъ быть только двѣ философіи. Только двѣ ихъ было съ тѣхъ поръ, какъ живетъ и мыслитъ человѣкъ на землѣ. Всѣ философы только медленно качались, какъ маятникъ, между ними. На одномъ концѣ дуги написано: «разумъ», а на другомъ: «чувство». Есть только двѣ философіи: одна строитъ на разумѣ, а другая—на чувствѣ.

Но что же такое разумъ и что такое чувство?

Наша душа ни единаго мгновенія не пребываетъ въ покоѣ. Каждая маленькая крупинка жизни испускаетъ отъ себя милліарды лучей, проникающихъ въ душу таинственнымъ путемъ. И каждый лучъ шевелитъ душу, подымаетъ цѣлыя волны переживаній. Волны то идутъ рядомъ, то расходятся, то встрѣчаются, то сливаются...

Наша душа порою похожа на море, въ которомъ и днемъ и ночью шумятъ темныя страсти и прячутся на днѣ многоголовые инстинкты. Кто можетъ разсказать намъ природу нашихъ бѣшенныхъ страстей, однимъ порывомъ разрывающихъ душу и топчущихъ ногами плоды цѣлой жизни? Кто разгадаетъ намъ вѣчную загадку нашихъ инстинктовъ, притворно-спящихъ гдѣ-то въ глубинѣ нашего «я» и внезапно просыпающихся, богъ вѣсть зачѣмъ и почему, внося суматоху и ужасъ во всѣ уголки нашего существа?

Наша душа похожа также на черную бездну: она равно открыта и яркому дню, и мрачной ночи, она внимаетъ равно и восторгамъ и стенаньямъ, но ничего не возвращаетъ назадъ,—ничего и никогда не отдаетъ она прошлому.

Но нѣтъ. Она еще болѣе похожа на сказочную арфу съ безчисленными струнами, дрожащими при каждомъ шорохѣ жизни то тихимъ стономъ, то взрывомъ ужаса, то скользящей улыбкой, то стремительнымъ хохотомъ. Такова душа человѣка...

Но кто же населяетъ этотъ душевный океанъ? Кого прячетъ въ своей глубинѣ эта таинственная бездна? Отвѣтъ даетъ намъ одно простое коротенькое слово: чувство. Все, что смѣется и плачетъ внутри насъ, все, что томится надеждой и страхомъ,—вся душевная музыка, есть лишь работа чувства. На самой высокой вершинѣ самой высокой горы оно яркимъ солнечнымъ лучемъ начертало: «наслажденіе», а на самомъ темномъ днѣ самой глубокой бездны изъ мрака и ужаса оно соткало «страданье». Отъ вершины блаженства только одинъ мигъ ведетъ въ невозвратную пропасть страданья, но только долгій извилистый путь страха, отчаянья, надежды можетъ поднять насъ надъ юдолью слезъ въ гордую высь, гдѣ рѣетъ тихая радость. Чувство—это весь человѣкъ: его страсти и инстинкты, его стремленья и надежды, вся темная масса клубящихся переживаній, изъ нѣдръ которыхъ выростаетъ воля.

А разумъ?

Разумъ есть только одна свѣтящаяся точка среди безпредѣльной жизни. Это—крошечная свѣтлая площадка, на которую изрѣдка подымаются или изрѣдка падаютъ случайные одинокіе темные лучи душевной жизни. Все, что есть великаго и страшнаго въ человѣкѣ, таинственно живетъ въ темныхъ тайникахъ чувства. Разумъ стоитъ въ сторонѣ безсильный и безвольный. Чувство связано со всѣми органами, со всѣми клѣточками, атомами нашего тѣла, оно живетъ во всѣхъ порахъ организма командуетъ всѣми функціями, пропитываетъ всякое движеніе крови, всякую дрожь нервовъ. Оно кричитъ человѣку: «стой!» и вотъ умолкаетъ сердце, стынетъ кровь, чахнутъ нервы. Оно невидимо направляетъ даже взоръ самого разума, какъ направляетъ человѣкъ свѣтъ маяка, и разумъ, въ концѣ-концовъ, видитъ и освѣщаетъ только то, что нужно чувству.

Глубокое принципіальное различіе этихъ двухъ началъ—чувства и разума—настолько брасается въ глаза, что никогда не ускользало отъ взора философіи. Подъ калейдоскопомъ мудреныхъ названій она въ сущности всегда занималась отношеніемъ ихъ къ человѣку и старалась найти философскій камень ихъ примиренія. А это примиреніе дѣйствительно необходимо, ибо отъ этого зависитъ не только судьба всякаго міровоззрѣнія, но и судьба самого человѣка на землѣ... Какую же роль играютъ чувство и разумъ въ исторіи борьбы за жизнь?

Разумъ—органъ мысли—есть сравнительно довольно поздній продуктъ. Ему предшествовалъ баснословный потокъ вѣковъ, когда жизнь обходилась безъ этого хрупкаго инструмента. Что же занимало мѣсто разума въ живомъ организмѣ? Очевидно, нервная система, даже наиболѣе грубая, обладаетъ достаточными средствами вполнѣ цѣлесообразно реагировать на внѣшній міръ—завѣдывать его «питаньемъ» и его «тратой». Низкія ступени зоологическаго міра даютъ намъ достаточно яркихъ доказательствъ въ защиту этого взгляда. Но почему бы не спуститься намъ одной ступенькой ниже по лѣстницѣ Жизни и не заглянуть намъ въ царство растеній и даже минераловъ? И что же мы увидимъ? Только ничтожная доля жизни прибѣгаетъ къ нервной дѣятельности, а все необъятное царство Жизни, которое своей таинственной красотой ослѣпляетъ чуткую душу, не имѣетъ, повидимому, никакихъ слѣдовъ не только утонченной мысли, но и самой грубой системы нервныхъ волоконъ. Не ясно ли, что въ самихъ «вещахъ», въ самихъ тайникахъ составныхъ частей живущаго и сущаго должны быть силы, не открытыя нашимъ разумомъ и даже недоступныя ему, вполнѣ «разумно» однако регулирующія причудливо сложный процессъ жизни?

Эти силы, которымъ нѣтъ пока еще названія, понятно, живутъ и въ человѣкѣ. Каждая клѣточка уже теперь намъ кажется цѣлымъ сложнымъ міромъ, съ котораго едва только сброшена завѣса. Во всякомъ случаѣ теперь никто не ищетъ уже разъясненія всѣхъ тайнъ жизни въ природѣ разума и въ законахъ мышленія, а въ чудесныхъ свойствахъ еле замѣтныхъ микроскопическихъ клѣточекъ. Словомъ, та форма жизни, которую съ различныхъ точекъ зрѣнія мы называемъ то разумомъ, то мышленьемъ, то даже сознаньемъ, вовсе не является самой существенной для характеристики внутренняго міра, безконечно болѣе широкаго и болѣе глубокаго. Можно представить себѣ почти полное исчезновеніе отвлеченнаго мышленія, а душевный міръ ничего не потерялъ бы въ своей бездонной глубинѣ и необъятной шири. Какъ же назвать ту могучую причину, которая незримо участвуетъ въ каждомъ дыханіи сущаго? Я не знаю, какъ «называютъ» ее животныя, растенія, минералы, но человѣкъ называетъ ее чувствомъ. Чувство не только «душа» теологовъ и «природа» раціоналистовъ, оно весь человѣкъ, его настоящее «я» и его глубокій «внутренній разумъ». Оно же создало для служенія цѣлямъ своимъ и тотъ поверхностный маленькій разумъ, который сидитъ въ мозгу человѣка.

Когда какому-нибудь существу угрожаетъ опасность, оно выдвигаетъ впередъ какой-нибудь защитный органъ. Минералъ прячетъ свою внутреннюю цѣльность, подставляя свою жесткую поверхность ударамъ внѣшняго міра. Растенія выдвигаютъ шелуху, кору или какую-нибудь другую охранительную форму, которая должна купить дорогой внутреннимъ силамъ цѣной своихъ страданій. Но животные организмы, а особенно человѣкъ, одарены такимъ сложнымъ, причудливымъ органомъ охраненія, какого человѣкъ нигдѣ не встрѣчаетъ внѣ животнаго міра. Мозгъ не только пассивно служитъ охраненію жизни. Это—какъ бы другое маленькое существо, которое, не имѣя своей собственной личной жизни, посвятило себя цѣликомъ служенію тому другому великому существу—чувству, своему создателю и господину. Мозгъ является для чувства какъ бы зеркаломъ, которое хочетъ возможно точнѣе отразить отношенія внѣшняго міра, чтобы чувство всегда знало, гдѣ оно и что его ждетъ. «Идетъ слишкомъ яркій, острый лучъ!» говоритъ мозгъ чувству, и оно велитъ глазному нерву прижмурить глазъ. «Тихіе, гармоничные звуки!» доноситъ услужливый мозгъ, и чувство раскрываетъ уши идущей радости. Ни одной секунды разумъ не бросаетъ своей вѣрной службы зеркала внѣшняго міра и сигнальщика для внутренняго.

Но разумъ не хочетъ оставаться такимъ скромнымъ и незамѣтнымъ слугою чувства. Онъ не хочетъ быть только пограничнымъ стражемъ человѣка, и вотъ онъ не только безстрастно принимаетъ или отталкиваетъ прибои внѣшняго міра, но

Внутренняя политика.

Къ вопросу о «диктатурѣ пролетаріата».

(Съѣздъ кооперативовъ.)

Что диктатура пролетаріата, точнѣе, большевиковъ, есть прологъ къ гражданской войнѣ, которая неизбѣжно кончится ужасающей контреволюціонной катастрофой, почти несомнѣнно. Пролетаріатъ будетъ имѣть противъ себя не только черносотенныхъ помѣщиковъ, либеральную буржуазію и состоятельныхъ крестьянъ, почти все офицерство и казачество, кадетовъ и др. буржуазныя партіи, но и нѣкоторые демократическіе элементы, подобные тѣмъ, что организовались вокругъ кооперативовъ. Это ясно показалъ послѣдній, поспѣшно созванный съѣздъ, который почти единодушно высказался за коалиціонное правительство. Во всѣхъ рѣчахъ кооператоровъ сквозило явное недовѣріе къ демократіи. Меркуловъ сказалъ: «Своими силами демократія спасти Россію отъ гибели не можетъ. У нашей демократіи нѣтъ до сихъ поръ ни техническаго, ни организаторскаго опыта. Къ власти должны быть непремѣнно призваны всѣ слои населенія». Къ тому же сводятся и горячія рѣчи Прокоповича и Беркенгейма.

Въ рѣчи Беркенгейма довольно странно прозвучало одно мѣсто: «Сейчасъ господствуетъ какъ будто одно общенаціональное стремленіе: сшить себѣ шубу изъ революціи». И онъ же строчкой выше говоритъ: «Нельзя жить безъ опредѣленной твердой власти, которой довѣряютъ одинаково всѣ слои населенія. Необходима честная коалиціонная власть».

Во-первыхъ, есть ли коалиціонная власть твердая власть, которой всѣмъ такъ хочется,—и правымъ, и лѣвымъ? Во-вторыхъ, что можетъ подѣлать самая твердая и ультра-коалиціонная власть, объединяющая «всѣ слои населенія», когда всѣ эти слои населенія, по мнѣнію Беркенгейма, охвачены однимъ страстнымъ порывомъ «сшить себѣ шубу изъ революціи»? Развѣ не ясно, что именно коалиціонное правительство является самымъ слабымъ во внутренней политикѣ, ибо оно имѣетъ въ своей средѣ и тѣхъ, съ которыми оно должно «твердо» бороться? Твердой властью можетъ быть только власть однородная. Вопросъ, мнѣ кажется стоитъ такъ: Твердая **или** коалиціонная власть?

Наше мнѣніе, что въ эпоху внѣшней и внутренней войны коалиціонное правительство есть организація гибели. Необходимъ органъ, обладающій неограниченной инициативой и подавляющей силой: нужна диктатура. Но эта диктатура должна опираться не на меньшинство населенія (буржуазію или пролетаріатъ), а на большинство, т.-е. на рабочихъ, трудовыхъ крестьянъ, мелкое мѣщанство. Эти классы составляютъ подлинную Россію, и на ихъ сторонѣ будетъ регулярная армія и большинство казаковъ. Органомъ этой власти могутъ стать Совѣты Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, конечно, **переизбранные повсюду для освѣженія довѣрія къ нимъ и, быть можетъ, пополненные представителями другихъ организацій демократіи.** Демократическое Совѣщаніе созываемое на 14 сентября намъ кажется лишнимъ, ибо ничего новаго оно сказать не можетъ, а все старое всѣмъ надоѣло. Если же оно вздумаетъ пойти на дѣйствительно новый шагъ и создастъ чисто соціалистическое правительство, оно поставитъ страну въ положеніе крайне рискованное: ко всѣмъ бѣдствіямъ гражданской войны прибавится страшный финансовый крахъ. Дѣло въ томъ, что самое «безпощадное обложеніе» дохода не дастъ намъ ничего кромѣ тѣхъ же бумажекъ, которыя могутъ имѣть принудительную силу только внутри страны, а не заграницей. Иностранные платежи надо дѣлать золотомъ или товарами. У насъ нѣтъ ни золота, ни товаровъ. У насъ есть только сравнительно незначительные запасы хлѣба, земля, лѣса и рудники, т.-е. колоссальное, но сырое богатство. Чтобы это неистощимое, но пока только возможное богатство реализовать, превратить въ настоящее, осязательное, намъ необходимы земледѣльческія и другія машины, которыхъ у насъ нѣтъ, необходимы заграничные техники, необходимо достать изъ-за границы массу новыхъ паровозовъ и вагоновъ, необходимо провести новыя желѣзныя дороги. А у насъ и рабочія руки на фронтѣ или безтолково толпятся въ тылу. Чѣмъ поможетъ намъ «безпощадное обложеніе»? Оно дастъ намъ нѣсколько милліардовъ кредитныхъ бумажекъ, которыя быстро ухлынутъ въ пучину государственнаго банкротства. Чтобъ выйти изъ ужаснаго тупика, намъ необходима финансовая поддержка союзниковъ. Въ Совѣтѣ Крестьянскихъ Депутатовъ С. С. Масловъ правильно замѣтилъ, что «соціалистическій кабинетъ—химера, которую могутъ поддерживать или невѣжественные люди или безотвѣтственные демагоги». «Относительно денегъ,—говоритъ онъ далѣе,—опредѣленно извѣстно, что соціалистическому министерству никто денегъ не дастъ».

Внѣшняя политика.

Смѣлый министръ.

Новый военный министръ Верховскій, несомнѣнно, смѣлый министръ. Хочется вѣрить, что его идеи окажутся столь же плодотворными, какъ и новыми. Три идеи намъ хочется отмѣтить въ его программѣ. Во-первыхъ, въ основу необходимой для каждой арміи дисциплины должна быть положена не плеть и не нагайка, а разумное пониманіе идеи права. Во-вторыхъ, офицеры, какъ и всякіе руководители, должны пользоваться довѣріемъ руководимыхъ. Не животный страхъ, а гражданское довѣріе можетъ создать изъ обѣихъ нынѣ расколотыхъ частей нашей арміи солдатъ и офицерства—одну боевую силу, ту силу, безъ которой **невозможно заключить миръ.** Поэтому, говоритъ военный министръ, «весь командный составъ, не пользующійся довѣріемъ, будетъ замѣненъ людьми, которымъ довѣряютъ, независимо отъ ихъ чина, лишь бы они были надежны въ политическомъ отношеніи и подготовлены технически». Въ-третьихъ, военный министръ понимаетъ, что работать плодотворно онъ, какъ и всякій министръ, можетъ только при тѣсномъ содѣйствіи демократіи. Конечно, только это единеніе арміи съ народомъ дастъ арміи нужную ей вѣру, чтобъ приносить свои кровавыя жертвы, а народу дастъ спокойную увѣренность, что его армія не станетъ орудіемъ контрреволюціи.

Въ высшей степени цѣннымъ и многозначительнымъ является рядъ практическихъ мѣръ, намѣченныхъ министромъ въ рѣчи на засѣданіи Центр. Исп. Ком. Сов. Раб. и Солд. Депут. «Въ настоящее время,—сказалъ онъ,—мы уже можемъ приступить къ сокращенію арміи за счетъ упорядоченія тыла. Это лишь увеличитъ боеспособность арміи. Войско должно отвѣчать экономическимъ силамъ страны. Что же касается вопроса о снабженіи, то я уже обнаружилъ, что теперь же мы можемъ освободить значительное количество металловъ и передать его народу. Мною уже отданъ приказъ о передачѣ милліона подковъ изъ склада интендантства въ распоряженіе министерства продовольствія для обмѣна на хлѣбъ. То же мы сдѣлаемъ и съ другими предметами массоваго употребленія».

Въ словахъ министра особенно обращаютъ вниманіе его слова: «въ настоящее время мы **уже** можемъ приступить къ сокращенію арміи». Почему «уже»? Это несомнѣнный намекъ на приближеніе къ миру. Это сокращеніе арміи видимо, является началомъ демобилизаціи. Это наше предположеніе подтверждается другими словами Верховскаго, которыми онъ пытался очертить наше международное положеніе. «Германія,—говоритъ онъ,—еще можетъ воевать, но Австрія и Турція находятся на краю гибели. И если русская революція окажется способной создать революціонный порядокъ, то отчаяніе охватитъ враговъ и мы будемъ имѣть миръ, котораго мы хотимъ. Продолженіе войны обусловливается только нашимъ развапомъ».

и старается оставить возможно точные образы всѣхъ своихъ друзей и недруговъ, всѣхъ пропущенныхъ и отвергнутыхъ впечатлѣній, группируетъ ихъ по нервнымъ клѣточкамъ, изрѣдка обходитъ ихъ дозоромъ, чтобы убѣдиться, живы ли его плѣнники, и бросаетъ въ темныя нѣдра забвенья тѣхъ, которые слишкомъ зачахли въ неволѣ и больше ничѣмъ не могутъ служить всемогущему повелителю—чувству.

Такъ охраняетъ разумъ барскій покой и безопасность тихо дремлющаго чувства. Но когда оно внезапно просыпается и отъ сонливаго «пребыванія» хочетъ перейти къ шумному «дѣйствію» и однимъ суровымъ приказомъ выпрямляетъ спину, напрягаетъ мышцы, зажигаетъ глаза огнемъ и быстрѣе гонитъ кровь по жиламъ, разумъ хочетъ воспротивиться. Какъ старый крѣпостной дядька своему капризному барчуку, онъ раскрываетъ чувству свои панорамы, показываетъ ему всѣ пропасти, зіяющія на пути, всѣ камни, преграждающіе дорогу, всѣ тучи стрѣлъ, осаждающія творца. «Развѣ тебѣ недостаточно (говоритъ онъ) того уютнаго покоя, который я создалъ тебѣ? Развѣ тебѣ не тепло дремать въ моихъ пеленкахъ? Миръ, тепло и нѣга—вотъ что я съ такимъ трудомъ доставилъ тебѣ... А ты, неблагодарное, рвешься въ кровавую битву, къ суровому холоду и ненужнымъ страданьямъ... Ахъ! Послушай меня, своего стараго-стараго и вѣрнаго слугу: счастье—не въ бурной побѣдѣ, а въ тихомъ безоблачномъ снѣ»...

Но—увы! Безсильны рѣчи дряхлаго разума передъ лицомъ молодого и мощнаго чувства. Онъ **долженъ** уступить, если не хочетъ остаться брошеннымъ на пути, какъ старый ненужный хламъ, если не хочетъ быть растоптаннымъ стремительной колесницей стремительнаго чувства. Тогда онъ со вздохомъ зажигаетъ фонарь свой, чтобы хоть сколько-нибудь освѣщать дорогу своему капризному господину, идущему къ вѣрной гибели. Но какъ жалокъ этотъ свѣтъ! Онъ едва освѣщаетъ самого себя и порою только сгущаетъ окружающій мракъ, только пугаетъ своимъ страхомъ смѣлаго ѣздока.

Такъ мѣняетъ разумъ свои роли. Но какъ бы ни мѣнялъ онъ своихъ нарядовъ его цѣль и задача одна и та же—служить сохраненію жизни. Чувство **есть** жизнь, а разумъ служебный органъ **охраны** жизни.

Могутъ ли эти два столь различныя начала одинаково относиться къ міру? Не ясно ли, что разумъ, въ историческомъ развитіи значительно укрѣпившій свою позицію, долженъ создавать совершенно иную систему идей о мірѣ и толкать человѣка къ совершенно инымъ міро-отношеніямъ, чѣмъ чувство.

Разумъ никогда не имѣетъ дѣла съ самими вещами, а только съ ихъ тѣнями—представленіями. Оттого міръ разума—неизбѣжно міръ, лишенный красокъ и тоновъ, міръ сѣрыхъ и нѣмыхъ отвлеченностей и обобщеній. Являясь самъ безкровнымъ зеркаломъ и сухимъ счетчикомъ властно притекающихъ внѣшнихъ впечатлѣній, онъ неизбѣжно отрицаетъ волю живую и можетъ понимать только чисто механическія связи явленій. Онъ даже чувства собственнаго организма, толкающія и питающія его самого, считаетъ внѣшними механическими двигателями и стремится объяснить ихъ механически. Внѣшнее воспріятіе и механизмъ неразрывно связаны съ природой разума.

Верховная біологическая цѣль разума—создать организму абсалютно благопріятную среду, т.-е. такую, которая гарантировала бы человѣка отъ самаго ничтожнаго вреднаго вліянія внѣшняго міра. Понятно, что всѣ его усилія должны быть направлены на то, чтобы изучить всѣ формы воздѣйствія вещей на тѣло человѣка. Но такъ какъ всякое воздѣйствіе сводится къ прикосновенію прямому или черезъ пространство, такъ какъ неизбѣжнымъ проводникомъ и выразителемъ всякаго прикосновенія является движеніе, то разумъ долженъ все сводить къ движенію. Представить весь міръ какъ одну стройную систему движеній, свести всѣ дѣйствія къ опредѣленнымъ количествамъ колебаній есть идеалъ разума, ибо это значитъ найти почти непогрѣшимое средство предвидѣнія и вліянія всякаго явленія на жизнь тѣла. Если наука (т.-е. система разума) говоритъ намъ, что такой-то звукъ есть такое-то количество колебаній воздуха, то это не значитъ, что звукъ **есть** колебаніе. Это было бы нелѣпо. Ибо это все равно, какъ утверждать, что человѣкъ **есть** столько-то пудовъ, говоря о его вѣсѣ. Это надо понимать такъ: есть нѣчто, которое при извѣстномъ количествѣ движенія воздуха ощущается человѣческимъ ухомъ, какъ звукъ; но что такое это «нѣчто», разумъ не знаетъ, не узнаетъ и не можетъ по природѣ своей узнать.

Само собою разумѣется также и то, что и дѣйствія человѣка разумъ долженъ направить по линіи «разумной» цѣлесообразности. Великое, прекрасное и нравственное онъ долженъ не только подчинять полезному, но и сливать съ нимъ нераздѣльно. Вся обширная необъятная жизнь, лежащая внѣ сферы свѣта его копѣечной свѣчи должна казаться ему темной неразумной, безнравственной, нуждающейся въ твердомъ руководствѣ разума, не знающаго исключеній и не понимающаго пощады, абсолютно-непогрѣшимаго, вѣчно-добродѣтельнаго и, потому одному уже, понятно, жестоко-безсердечнаго.

Иной природы—чувство.

Каждое чувственное переживаіе, самое легкое и самое короткое, есть нѣчто вполнѣ конкретное, индивидуальное, есть какъ бы миніатюрный мірокъ, сверкнувшій на мигъ и умчавшійся въ безконечность. Приноситъ ли оно радость или горе, тихій покой или злую тревогу, оно уноситъ съ собой нѣчто никогда и ничѣмъ невозвратимое. Это—угасшая душевная искра, это—упавшій въ бездну яркій небесный камень.

Чувственныя переживанія неуловимы, ибо несравнимы сами по себѣ. Группируетъ ихъ разумъ только по тѣмъ слѣдамъ, которые они оставляютъ въ душѣ. Одни оставляютъ борозду, изъ которой годами сочится боль, другія оставляютъ на своемъ пути нѣжное сіяніе радости. Эти борозды и слѣды заботливо отмѣчаетъ разумъ и создаетъ свою классификацію. Эта классифицирующая работа разума, правда, полезна въ борьбѣ за сохраненіе жизни, но даетъ намъ токой же точно образъ пережитаго, какъ слѣдъ ноги въ снѣгу даетъ намъ понятіе о создавшемъ его человѣкѣ.

Царство разума—холодная сфера отвлеченныхъ, безжизненныхъ понятій, связанныхъ неумолимой механической **необходимостью**: это безконечная желѣзная цѣпь, въ которой холодныя звенья вѣчно неразрывны и скованы богъ вѣсть кѣмъ и зачѣмъ. Міръ чувствъ есть сказочный лѣсъ, въ которомъ живутъ и умираютъ, пляшутъ и тоскуютъ то веселыя, то грустныя, но всегда **живыя**, всегда своеобразныя, всегда окутанныя чарующей тайной существа: этотъ чудный міръ движетъ не суровый, сѣрый **фатумъ**, а гибкая, свѣжая, дышащая чувственными красками и тонами, горделивая **воля**. Чувство не знаетъ анализа. Оно доселѣ необъяснимымъ, но вполнѣ понятнымъ путемъ интуиціи воспринимаетъ жизнь, и каждый актъ чувственнаго интуитивнаго мышленія есть новое чувственное переживаніе, яркое, живое, конкретное. Оно не знаетъ цѣли, оно не знаетъ долга, ибо все служитъ ему, а оно никому не покорно. Такова природа чувства, и таковъ міръ его.

Есть и могутъ быть только двѣ философіи—строго различныя и строго послѣдовательныя. Одна строится на началѣ разума, а другая—на фундаментѣ чувства. **Внѣшнее воспріятіе, механизмъ, отвлеченность, абсолютность**—таковы основы «разумной» философіи. Чувство же по ступенькамъ **интуиціи, свободы, конкретнаго** и **относительнаго** подымается на вершину міро-постиганія. И каждая изъ этихъ философій по своему рѣшаетъ жизненные вопросы практической жизни человѣка: о цѣли жизни, о добрѣ и злѣ, о счастіи и безсмертіи. Философія разума написала на скрижаляхъ человѣка: самосохраненіе во что бы то ни стало, мертвящая «гармонія» въ душѣ индивида и во всемъ обществѣ, невозмутимый оптимизмъ, и поклоненіе идолу Науки. А чувство зоветъ и всегда звало человѣка къ вѣчному, безпредѣльному саморасширенію, къ гордой и расточительной индивидуальной мощи, къ презрительному отрицанію трусливыхъ нашептываній пользы, къ проникновенно-трагическому обниманію міра и къ свободному, мощному и вѣчному Искусству.

Н—скій.

Намъ необходима значительная, хорошо дисциплинированная и хорошо снабженная революціонная армія, чтобъ играть достойную роль въ начинающихся переговорахъ о мирѣ и чтобы отбить у контрреволюціонной части буржуазіи всякую надежду на успѣшный мятежъ.

Наступаетъ критическій моментъ, когда демократія должна собрать всѣ свои силы, чтобъ привести Россію къ желанному и почетному всеобщему миру. Не сумасшедшая диктатура пролетаріата, а благородное самообладаніе и самообузданіе! Въ концѣ-концовъ побѣждаетъ не дерзкій, а дерзкій и мудрый.

Надо дерзать.

Жизнь доказала, что рабочія организаціи не только могутъ взять всю желѣзную дорогу въ свои руки, но, взявъ все въ руки, разбить контръ-революцію.

Это великое испытаніе выдержали наши организаціи блестяще.

Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ.

1) Это—новая форма борьбы.

2) Это само по себѣ показываетъ возможность взять сейчасъ же все производство страны въ свои руки.

За чѣмъ же стало дѣло?

Почему же мы отпустили съ миромъ буржуазію?

Почему...?

Мы испугались.

Чего же мы испугались?

«А видите ли, «Русское Слово», печать, Штабъ Военнаго Округа. Министерство, Временное Правительство... Нельзя... какъ можно? Что вы, помилуйте».

Что же, развѣ сила въ рукахъ «Русскаго Слова» или какого-либо военнаго генерала.?

Развѣ мы не доказали, что все это мы ѳѣ.

«Да видите ли, какъ же можно. Сейчасъ буржуазная революція по расписанію историческихъ поѣздовъ, въ справочной книжкѣ Карла Маркса. Нельзя, какъ же мы нарушимъ расписаніе».

Ну, что же, будемъ помогать поѣзду грядущаго капитализма, разъ мы... такія пугливыя вороны.

Пойдемъ въ коалицію, будемъ создавать диктатуры.

Но... только промчалась эта волна, нагрянула другая. Возможность забастовки Минимумъ прожиточной стоимости отслужили въ Комиссію.

Комиссія, это, видите ли, такой гробъ для всѣхъ безпокойныхъ дѣлъ.

Крышка заколачивается и дѣло засыпается землей.

Въ самомъ дѣлѣ, эти ужасные желѣзнодорожники. Что они дѣлаютъ? Какъ они смѣютъ просить. минимумъ прожиточной стоимости?

Вѣдь страна терпитъ невѣроятный финансовый кризисъ, войну, бумажки каждый день...

Довольно, довольно, слышали.

Но все таки, если мы требуемъ только минимумъ, то иначе мы не можемъ.

Да позвольте, къ чему же мы придемъ? Вѣдь это надо сейчасъ же отбирать всѣ частнособственническія владѣнія, вѣдь это.. соціальная революція, вѣдь это анархія, вѣдь это... гибель...

— Да, да, это какъ разъ то, что намъ нужно: это гибель капитализма. Во всякомъ случаѣ—одинъ изъ симптомовъ.

С. Двумянцевъ.

Кто знаетъ Дарницу?...

Діалогъ.

«Ты знаешь край, гдѣ...»

Товарищи, Вы знаете ст. Дарницу? (Станцію Дарницу?!) Ну-да, ст. Дарницу; ту самую Дарницу М. К. В. ж. д.. гдѣ старшій пом. Нач. ст. Пахаловичъ, 2 года тому назадъ переотправлялъ въ Кіевъ цѣлыми поѣздами вмѣсто снарядовъ свиней, а начальникъ участка пути Ивановъ строилъ плѣнными рабочими за счетъ дороги свои дачи—(«Такъ они кажется, за это сидятъ въ крѣпости»!)

—Да, кажется, немножко сидѣли, но теперь Ивановъ сидитъ опять на той же ст. Дарница, тѣмъ же начальникомъ участка пути, а Пахаловичъ, заявилъ, что не желаетъ служитъ на такой каверзной станціи, гдѣ за всякую мелочь въ крѣпость сажаютъ и поступилъ, кажется, въ Интендантскіе чиновники. Такъ какъ то безопаснѣе...— «(Ну такъ что же дальше»?)— Да ничего особеннаго, а только я хотѣлъ Вамъ сказать, что на этой самой ст. Дарница, гдѣ служилъ Пахаловичъ и продолжаетъ служить Ивановъ, мѣстный Комитетъ сосѣдней станціи — закупилъ въ Интендантскомъ холодильникѣ вагонъ рыбы...—»)

Ага, и эту рыбу отправили въ Кіевъ вмѣсто снарядовъ «Да нѣтъ! совсѣмъ не то, что Вы думаете. Эту рыбу нужно было погрузить въ вагонъ и отправить по назначенію. Уполномоченные члены Продовольственной Комиссіи направились къ вѣсовщику, обслуживающему товарную платформу при холодильникѣ и заявили ему, что рыба куплена для жел.-дор. Комитета, слѣдовательно, дѣло общественное, да къ тому же рыба вещь скоропортящаяся и просили его, чтобы онъ далъ сейчасъ вагоны для погрузки, но вѣсовщикъ, какъ всякій добросовѣстный вѣсовщикъ, просто заявилъ, что вагоновъ у него нѣтъ и что онъ по этому дѣлу ничего не знаетъ, а нужно идти къ дежурному по станціи, который пошлетъ маневровый паровозъ на 20-й путь 30-го парка и, можетъ быть, къ вечеру вагонъ будетъ поданъ. Видятъ товарищи, что дѣло плохо и сунули въ зубы вѣсовщику трешницу и сказалось, что порожній вагонъ стоялъ тутъ же около нихъ, но вѣсовщикъ, за спинами товарищей какъ то его не примѣтилъ».

Ну что Вы! вѣсовщикъ ст. Дарница, со своихъ товарищей... со своей родной организаціи того... три рубля. Гм.... что то странно, какой же это вѣсовщикъ?».

«Какой? да самый обыкновенный, какъ и всѣ вѣсовщики; въ брюкахъ и въ фуражкѣ съ малиновыми кантами».

«А Вы не знаете, тамъ комитетъ съ культурно - просвѣтительной комиссіей имѣется?».

А какъ же есть, есть.

«Гм.... очень странно, Комитетъ, Культурно-Просвѣтительная Комиссія... и все такое, и вдругъ три рубля».

«А по моему товарищи на ст. Дарница просто существуетъ на этотъ предметъ особая «организація» а? какъ по Вашему».

Летучій Корреспондентъ.

Кіевъ, 2-й М.-К.-В. жел. дор.

Смазчикъ Еременко.

Воспоминанія.

1906 г. Осеннее пасмурное утро... Пассажирскій вокзалъ ст. Курскъ.

Кипитъ повседневная жизнь.

Стоятъ готовые къ отходу поѣзда, суетятся пассажиры... У каждаго свои заботы и планы.

Взадъ и впередъ по перону снуютъ при полныхъ боевыхъ «доспѣхахъ» жандармы... И тамъ и тутъ желѣзнодорожная молодежь небольшими группами таинственно шепчется между собой изъ предосторожности не быть подслушанными. «Вахмистры» безцеремонно разгоняютъ «лишнюю» публику.

Въ это утро происходитъ какая-то драма...

На станціи, на запасныхъ путяхъ, только что посадили въ «арестантскій» поѣздъ мѣстную партію политическихъ, въ томъ числѣ и нашихъ товарищей желѣзнодорожниковъ: телеграфиста Василія Квасникова, рабочаго депо Никифора Волкова и надсмотрщика телеграфа Ивана Башкатова, уволенныхъ за забастовку 1905 г....

Они отсидѣли свое время въ тюрьмѣ и вновь на дняхъ арестованы за принадлежность къ партіи «максималистовъ» и за покушеніе на экспропріацію на Курскомъ вокзалѣ оружія, слѣдовавшаго въ товарномъ поѣздѣ.

Много толкованій тогда вызвали эти аресты. Въ связи съ ними не сходила съ языка фамилія одного изъ желѣзнодорожниковъ, въ то время-конторщика передаточной конторы М. Кур. ж. д. А. Захарова... Его называли виновникомъ арестовъ, подстроившимъ экспропріацію съ провокаціонною цѣлью, что-бы «выдать» и тѣмъ обѣлить себя передъ жандармеріей...

И дѣйствительно: повышеніе по службѣ А. Захарова... рядъ обысковъ у желѣзнодорожниковъ, а также и у пишущаго настоящія строки...

Подозрѣнія вполнѣ подтвердились.

Призракъ ренегата-предателя, способнаго на дальнѣйшія мерзости, вызывалъ не разъ у многихъ тревогу когда въ осенніе вечера, съ хлестаньемъ отъ вѣтра садовыхъ вѣтокъ въ окно, въ воображеніи вставали жандармы...

Жуткіе, черные дни пережили мы съ вами, товарищи!..

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Что сталося съ тѣми товарищами?..—Погибли ли они въ отдаленныхъ сѣверныхъ губерніяхъ, не выдержавъ ссыльнаго режима, или какимъ-либо чудомъ дотянули до благодатной свободы и теперь гдѣ-нибудь проявляютъ свою полезную дѣятельность по закрѣпленію этой свободы, мнѣ неизвѣстно, только памятно мнѣ то осеннее утро-памятны арестантскіе вагоны и за рѣшетками ихъ лица дорогихъ мнѣ и близкихъ товарищей.

Эти воспоминанія навѣяны на меня статьями въ № 34 и 35 «Воля и Думы Желѣзнодорожника» «Борцамъ за Свободу»...

Н. Дурневъ.

Хроника.

Въ узлѣ.

11 сентября въ Управленіи М.-Казанской ж. д. состоялось собраніе Членовъ Центральныхъ Комитетовъ дорогъ Московскаго узла. Председательствовалъ тов. Лукичевъ (Сѣв. дор.).

Въ началѣ засѣданія была оглашена телеграмма о томъ, что Московскому узлу предоставляется въ демократическомъ совѣщаніи 5 мѣстъ, сверхъ двухъ мѣстъ уже назначенныхъ ранѣе. Въ виду имѣющагося въ телеграммѣ указанія на то, что предполагается объявить Совѣщаніе революціоннымъ Парламентомъ, собраніе, послѣ долгихъ и бурныхъ преній постановило анулировать состоявшiеся ранѣе выборы двухъ представителей (Темненко и Васильева) и данный имъ наказъ («добиваться коалиціоннаго министерства»). Въ рѣчахъ по этому поводу указывалось, что въ прошлый разъ совѣщаніе подходило къ выборамъ съ совершенно другой точкой зрѣнія, не зная о предполагающемся объявленіи совѣщанія революціоннымъ парламентомъ. Наказъ же долженъ отпасть самъ собой, такъ какъ делегаты выбираются на продолжительный срокъ и должны сохранить за собою свободу дѣйствій, въ зависимости отъ требованій жизни.

Рѣшено выбирать делегатовъ отъ общаго собранія, а не отъ фракцій.

Избранными оказались: Антоновъ (Р.-Ур.) с.-д. объединен. Чернышевъ (Алекс. дор.) с.-р. Мокѣевъ (М.-Кур.) с.-д. объедин. Лукичевъ (Сѣв. д.) с.-р. максималистъ. Паздѣевъ (Сѣв. д.) большевикъ. Кубанинъ (Сѣв. д.) меньшевикъ. Васильевъ (Казан.) с.-р. И въ Кандидаты: Миро- (Казан.) с.-р. Мироновъ (Сѣв. д.) большевикъ, Кононовъ (М.-К.-В.) с.-р., Гранкинъ (М.-К.), большевикъ. Яковлевъ (Алекс.), с.-р. Мухинъ (Сѣв.), с.-д. интернаціоналистъ.

УСТАВЪ.

ВСЕРОССІЙСКАГО ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО СОЮЗА.

(Продолженіе. См. № 41. „В. и Д. Ж.")

Союза, е) органамъ Союзовъ, строящихся желѣзныхъ дорогъ предоставляются средства передвиженія имѣющіяся въ распоряженіи Управленія строящихся дорогъ или оплачиваются дорогами расходы по поѣздкамъ въ предѣлахъ строящихся дорогъ.

§ 35.

Всѣ Исполнительные Органы Союза и делегированные ими члены имѣютъ право подавать служебныя и безплатныя телеграммы на основаніи инструкціи издаваемой Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ Всероссійскаго желѣзнодорожнаго Союза.

Пересылка корреспонденціи органовъ Союза должна производиться безплатно.

§ 36.

Согласованіе рѣшеній Съѣздовъ дорогъ.

Въ случаѣ принятія Главнымъ Исполнительнымъ дорожнымъ Комитетомъ или Делегатскимъ Съѣздомъ дороги рѣшенія, затрагивающаго интересы другихъ дорогъ, Главный Комитетъ этой дороги, до приведенія въ исполненіе принятаго рѣшенія, сносится съ Центральнымъ Комитетомъ одновременно сообщаетъ свое рѣшеніе Главнымъ Комитетамъ дороги, интересы которыхъ затронуты при этомъ рѣшеніи. Послѣднія сообщаютъ свое рѣшеніе Ц. К. въ недѣльный срокъ, если для разсмотрѣнія этого вопроса не требуется созыва Делегатскаго Съѣзда дорогъ. Ц. К. или рѣшаетъ вопросъ самостоятельно созывая, въ случаѣ надобности, Совѣщанія изъ представителей заинтересованныхъ дорогъ или передаетъ на рѣшеніе Всероссійскаго Съѣзда. О рѣшеніи своемъ Ц. К. долженъ сообщить Главнымъ Комитетамъ заинтересованныхъ дорогъ въ двухъ-недѣльный срокъ со дня полученія заключенія Главныхъ Комитетовъ этихъ дорогъ или со дня Совѣщанія, если таковое созывалось.

Для установленія однообразія и для руководства всѣхъ органовъ Союза составляются инструкціи, Главными Дорожными Комитетами, представляемыя Центральному Исполнительному Комитету Союза на согласованіе. Въ случаѣ разногласія по дѣламъ между раіонными Исполнительными Комитетами спорные вопросы разрѣшаются Главнымъ Дорожнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ или вносятся на разрѣшеніе Делегатскаго Съѣзда дороги; въ случаѣ же разногласія между Главными Дорожными Комитетами или между Делегатскими Съѣздами разныхъ дорогъ разрѣшеніе спорнаго вопроса предоставляется Центральному Комитету Союза или Всероссійскому Желѣзнодорожному Съѣзду.

§ 37.

Въ случаѣ возникновенія на какой либо дорогѣ вопроса о полной или частичной забастовкѣ, Главнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ, Мѣстнаго Союза созывается Делегатскій Съѣздъ дороги и въ случаѣ принятія не менѣе какъ $^2/_3$ Делегатскаго Съѣзда рѣшенія о забастовкѣ Главный Исполнительный Комитетъ немедленно сообщаетъ Центральному Всероссійскому Исполнительному Комитету, отъ котораго зависитъ или утвердить это рѣшеніе, или созвать въ экстренномъ порядкѣ чрезвычайный Съѣздъ изъ представителей всѣхъ дорогъ сѣти или ближайшихъ заинтересованныхъ дорогъ. Рѣшеніе Центральнаго Комитета, утверждающее забастовку дѣйствительно, если они приняты не менѣе какъ 2/3 голосовъ всѣхъ членовъ Центральнаго Комитета. Такимъ же количествомъ голосовъ должно быть принято также и постановленіе Центральнаго Комитета объ объявленіи забастовки, когда инціатива объявленія забастовки исходитъ отъ самого Центральнаго Комитета, который или самъ рѣшаетъ этотъ вопросъ или созываетъ для этого представителей дорогъ.

§ 38.

Весь уставъ, а равно и отдѣльные его параграфы могутъ быть измѣнены лишь по постановленіямъ Всероссійскаго Делегатскаго Съѣзда принятымъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ всѣхъ прибывшихъ на Съѣздъ делегатовъ ($^1/_2$).

Дополненіе къ § 20.

Всероссійскій Желѣзнодорожный Делегатскій Съѣздъ Союза считается состоявшимся въ случаѣ прибытія къ его открытію представителей отъ $^2/_3$ всѣхъ дорогъ сѣти и не менѣе $^1/_2$ общаго числа делегатовъ отъ всѣхъ дорогъ.

Типо-литографія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ Московскаго узла. Редакторъ Я. Кирилловскій.